

Воля государя была непреклонной, но, вопреки императорскому указу, Хан Сиэнь не спешил возвращаться из Цзяннаня в столицу. Напротив, теперь они двигались даже медленнее, чем во время своего путешествия на юг.

Евнух, прибывший с высочайшим повелением, поначалу усмотрел в этой медлительности вопиющую дерзость и пренебрежение к воле монарха. Он уже вовсю строил коварные планы, раздумывая, как бы по возвращении во дворец нашептать императору о непочтительности наследника.

Однако стоило им миновать первый же уездный город, как посланник понял, что смотрел совсем не туда. Местный судья встретил их отряд на редкость радушно и спокойно.

Когда слуги судьи расселили прибывших на ночлег, Хан Сиэнь с явным разочарованием заметил:

— Похоже, этот уездный начальник пользуется любовью народа. Не такой уж и скверный чинуша.

В его голосе сквозила искренняя досада, будто он только и ждал повода вывести хозяина дома на чистую воду, но тот, как назло, оказался безупречен и не оставил ни единой зацепки.

От этих слов евнуха пробрала дрожь, смешанная с невольным трепетом. Он понял, что молодой наследник попросту вошел во вкус, разоряя чужие поместья. Теперь тот смотрел на любого чиновника как на потенциальную дичь и только и думал, за шиворот какого несчастного ухватиться следующим.

Для Хан Сиэня не существовало ни друзей, ни врагов — он нажил себе недругов повсюду, без разбора ополчив против себя и правых, и виноватых. Евнух не сомневался: сейчас половина чиновников Поднебесной жжет благовония перед алтарями, моля богов о скорейшей кончине грозного юноши.

Способность ополчить против себя буквально всех и заставить влиятельных мужей скрежетать зубами от бессильной злобы вызвала у слуги дворца странное уважение — обычный человек на такое точно не способен. Это заставило его принять твердое решение: по возвращении он честно доложит императору обо всем увиденном, но не станет сгущать краски и клеветать.

У наследника и так хватало врагов, так что одним больше, одним меньше — роли не играло. А уж разгневется государь от его доклада или сменит гнев на милость, дворцового слугу больше не заботило.

Хан Сиэнь, угадывая копошение мыслей в голове спутника, лишь посмеивался про себя. Сразу видно — человек слишком долго прожил во дворцовых покоях, раз в любом пустяке видит завязку для великой драмы с интригами и казнями. На самом деле Сиэнь, заглянув в душу уездному судье, приметил за ним лишь парочку мелких, вполне простительных слабостей, которые ничуть не мешали тому оставаться честным слугой закона. Но стоило ему обронить

случайное замечание, как евнух успел нафантазировать целую историю и даже мысленно оплакать собственную участь.

Впрочем, Сизнь никогда не отличался мелочностью. Желание евнуха обезопасить себя не вызывало у него раздражения. Мир велик, и в нем полно таких обывателей — они не замышляют зла, но и душу перед первым встречным не распахивают. И этого вполне достаточно.

Хоть они и продвигались черепашьям шагом, принимали их на постоянных дворах куда почтительнее, чем во время поездки в Цзяннань. Слава о деяниях Хан Сизня уже прогремела по всей Великой Чжоу. Перепуганные чиновники наперебой гадали: уж не потому ли суровый посланник тянет время, чтобы по пути прижать к ногтю еще кого-нибудь и выгодно преподнести эти головы императору?

Как только эти вести докатились до столицы, мелкие чиновники, чьи голоса в совете обычно звучали тише всех, засыпали тронный зал жалобными докладами. Они наперебой обвиняли Хан Сизня в превышении полномочий и умоляли государя обуздать наглеца, приказав ему немедленно явиться в столицу без всяких проволочек.

Однако император складывал эти прошения под сукно. Во время ежедневных аудиенций он восседал на драконьем троне мрачнее тучи, овевая холодным взглядом придворных и то и дело отпуская ядовитые шпильки в адрес семейства Хань. Государь тоскливо вздыхал, сокрушаясь, какого выдающегося сына вырастил почтенный герцог. От этих издевок герцог Хань Чжо и его брат Хань Шу, зажатые в толпе сановников, густо краснели и переминались с ноги на ногу, мечтая провалиться сквозь землю.

Если бы не обязательства перед пятым принцем, Цзи Хуаем, ради которого требовалось крепить союзы с влиятельными сановниками, Хань Чжо давно сказался бы больным и заперся в четырех стенах, лишь бышний раз не мозолить глаза двору.

К великому изумлению столичной знати, покинув пределы Цзяннаня, Хан Сизнь больше не учинил ни одного погрома. Гнев императора понемногу утих, зато у некоторых заговорщиков на душе стало совсем скверно.

Решив, что юноша жаждет новых наград, они цинично подставили под удар нескольких мелких уездных чинуш, подбросив Сизню неопровержимые доказательства их бесчинств. Расчет был прост: стоило наследнику ввязаться в новое судилище без высочайшего соизволения, и разгневанный император без лишних разговоров отправил бы его на плаху.

На расправу отдали настоящих негодяев: кто-то спелся с контрабандистами, кто-то покрывал убийц, кто-то обирал вдов и сирот. Людей умышленно подговаривали преграждать дорогу паланкину новоявленного грозы мздоимцев, умоляя о справедливости. Но, вопреки ожиданиям кукловодов, Хан Сизнь остался глух к их слезам и без тени жалости проезжал мимо.

Придворные сановники теперь косились на Хань Чжо со смесью зависти и страха. Слова государя о «достойном преемнике» обрели для них новый, пугающий смысл.

Они и не догадывались, какая буря бушевала в душе старого герцога. Ведь он и сам приложил руку к этим коварным ловушкам! Видя, как безнаказанно ускользает Сиэнь, Хань Чжо исходил желчью и изнывал от досады, но перед сослуживцами приходилось держать марку и делать безмятежный вид.

Впрочем, досужие сплетники не дремали. Слуги из герцогского поместья по секрету нашептывали горожанам, что глава дома, возвращаясь со службы, топает ногами от ярости, а после запирается в кабинете и горько рыдает, пока его престарелая мать и супруга заламывают руки и умываются слезами.

Постепенно по столице поползли слухи, что между наследником и его семьей пролегла непреодолимая пропасть. Кое-кто рассказывал, как Хань Чжо, изрядно выпив на пиру с подчиненными, разрыдался и признался, что Сиэнь рано лишился матери, а он, непутевый отец, слишком потакал капризам сироты, взрастив на свою голову неуправляемое чудовище.

Эти откровения вернули герцогу сочувствие света. Многие начали отделять грехи сумасбродного сына от добропорядочного отца.

И лишь опытные царедворцы понимающе усмехались: Хань Чжо — старый лис, у которого даже во хмелю комар носа не подточит. Изливая душу, он ни единым словом не упрекнул сына в неверности государю. Герцог прекрасно понимал: пока император молчит, любые нападки на императорского уполномоченного могут быть расценены как бунт.

Столица могла полниться домыслами сколько угодно, но колеса повозки Хан Сиэня неумолимо приближали его к ее воротам.

В очередной раз приказав гвардейцам разогнать толпу просителей, Хан Сиэнь даже не взглянул в их сторону. Паланкин тронулся дальше под душераздирающие вопли отчаявшихся людей.

Сопровождающие гвардейцы, поначалу содрогавшиеся от жалости к сирым и убогим, со временем очерствели. Они-то думали, что Сиэнь непременно вмешается, но тот оставался безучастен. Один из молодых воинов, не выдержав, решился спросить наследника напрямую.

Хан Сиэнь выслушал его, криво усмехнулся и спросил в ответ:

— Ты — столичный гвардеец. Если тебе так не терпится восстановить справедливость, кто мешает сделать это самому? Почему молчишь?

Воин лишился дара речи. Действительно, почему? Ответ был очевиден: императорская гвардия не имеет права вмешиваться в дела местных властей. Переступи он черту — и его собственную

семью сошлют на каторгу за измену.

Хан Сиэнь меж тем негромко добавил:

— Мой указ велит расследовать дела о наводнении в Цзяннани. Разве эти плакальщики оттуда? С какой стати мне совать нос в чужую юрисдикцию?

Осознав всю глубину своей глупости, гвардеец побелел, покрылся испариной и поспешно ретировался.

Большинство этих солдат происходили из зажиточных семей, пристроивших сыновей на непыльную службу при дворе, и никогда прежде не сталкивались с грязной изнанкой жизни. Дорожные тяготы открыли им глаза. Сначала кары, учиненные Сиэнем, казались им дикостью, но теперь они видели в них единственное спасение от царящего вокруг беззакония.

Внезапное равнодушие наследника разочаровало их. Кое-кто даже решил, что прославленный ревнитель справедливости на поверку оказался трусом. Хан Сиэня, впрочем, чужое мнение не волновало ни в малейшей степени.

И лишь неотлучно следовавший за ним инструктор Бай Шу знал истину. Хан Сиэнь отворачивался лишь для вида. Стоило процессии миновать очередного просителя, как заместитель командующего Гао Фэн по его тайному приказу заносил прегрешения местных судей в особый реестр и собирал улики. Обманутым беднякам, в чьих душах еще теплилась надежда, Гао Фэн велел затаиться, а тех, кто от отчаяния готов был наложить на себя руки, брал под негласную защиту.

Гао Фэн усердствовал не за страх, а за совесть, понимая, какими наградами обернется это следствие. Он спешно отправлял курьеров с доносами прямым ходом в столицу. Медлительность Хан Сиэня служила отличным прикрытием: чем дольше они тащились по дорогам, тем незаметнее ложились доклады на императорский стол.

«А ведь я не ошибся в нем, — думал Бай Шу, глядя в спину наследнику. — Под ледяной маской этого юноши скрывается на редкость отзывчивое сердце».

С самого отъезда из Цзяннани Хан Сиэнь не перемолвился с ним тет-а-тет ни единым словом, но Бай Шу ничуть не обижался. Его преданность не угасла, оставшись такой же чистой и неколебимой, как в день их первой встречи. В своем упорстве этот бывалый воин был до пугающего прямолинеен и прост.

Почти три месяца ушло на обратную дорогу, пока наконец на горизонте не показались заставы столичного округа. К этому времени родня Сиэня со стороны покойной матери уже успела вернуться из долгой ссылки на рубежах империи.

В пригороде столицы их внушительный отряд выглядел весьма грозно. Однако стоило им

выехать на главный тракт, как дорогу преградил пышный кортеж Великой принцессы, возвращавшейся во дворец.

Сына Великой принцессы звали Фан Цзо. Избалованный сверх меры, он ни во что не ставил законы, отличаясь при этом редкостным коварством и злопамятностью. Весь путь до столицы его слух терзали восторженные рассказы о подвигах Хан Сиэня. Сам Фан Цзо, пользуясь безграничной милостью императора, на границе привык решать любые споры силой, но даже он не дерзил настолько, чтобы разорять чужие усадьбы среди бела дня. Зависть жгла его изнутри, и Фан Цзо поклялся себе, что при первой же встрече сотрет спесь с лица этого выскочки.

И вот судьба свела их лицом к лицу. Уставившись на скромный паланкин Хан Сиэня, Фан Цзо ухмыльнулся, вынашивая мерзкую затею. Он жаждал прилюдно унижить соперника, показав ему свое превосходство. И надо признать, юноша имел все основания для подобной дерзости.

Великая принцесса не приходилась вдовствующей императрице родной дочерью, однако в свое время именно она помогла нынешнему государю взойти на престол. Дабы привлечь на сторону будущего монарха верных воинов, она безропотно согласилась выйти замуж за грубого и уродливого великого генерала Фан Тяня.

Этот Фан Тянь происходил из самых низов — подался в рекруты просто чтобы не сдохнуть с голоду. Красотой он не отличался: лопухий, курносый, с узкими щелками глаз, да к тому же едва умевший читать. Зато в бою ему не было равных — воитель прослыл непобедимым.

Красавица-принцесса разделила с ним ложе лишь потому, что безродный воин пользовался безграничным доверием прежнего императора.

Неудивительно, что после воцарения новая власть осыпала спасительницу милостями. Все те годы, что Великая принцесса провела на чужбине вместе с мужем, из столицы непрерывным потоком шли богатые дары — в знак того, что императорский дом помнит и ценит ее великую жертву.

Злоба окончательно затмила разум Фан Цзо. Стоило Хан Сиэню, следуя придворному этикету, приблизиться к карете Великой принцессы для приветствия, как юноша прищурился. Сорвав с пояса тяжелую плеть, он с размаху обрушил ее прямо на лицо наследника.

<http://bllate.org/book/20088/2002020>